

жития боярыни Морозовой, Неронова и др.), так и светских («Житие» Ф. Ртищева). Но среди этой литературы наибольшее значение приобретают вызванные антифеодально-религиозным движением раскола полемические автобиографии, теснейшим образом связанные с агиографическим жанром и с преодолением его идейно-эстетических канонов. Они возглавляются шедевром — «Житием» Аввакума, литературной исповедью-проповедью, контрастно совместившей в образе автора черты «пророка» и «грешника». Это произведение составляет литературный диптих вместе с сопровождающим его автобиографическим «Житием» другого писателя раскола, Епифания. Им предшествует житийно-автобиографическая традиция, раскрывающая постепенные процессы подобного рода жанровой трансформации: это монашеские описания своей жизни Лазаря Муромского (XV в.), Герасима Болдинского (XVI в.), Мартирия Зеленецкого, Елеазара Анзерского (XVII в.). Русская мемуарная литература XVIII в. (например, автобиографические сочинения И. Неплюева, Н. Долгорукой, А. Болотова, Г. Державина и др.) в большей мере относится уже к литературе нового времени.

В южнославянских литературах несколько позже появляется своя автобиография, развивающаяся в трудных условиях турецкого порабощения, господства греческой церкви и усиливающихся католических влияний. Первым автобиографом выступает сербско-болгарский писатель Партений Павлович (1757 г.), за ним следуют крупный сербский просветитель Обрадович («Животъ и приключенія Димитрія Обрадовича, нареченога у калуѣрству Досифеа», 1783), видный болгарский писатель Софроний Врачанский («Житие и страдания грешного Софрония», 1804), наконец, создается сербская книга «Житие мене Герасима Зелича» (1817 г.), переступившая уже порог нового времени. Эти автобиографии также носят поучительно-повествовательный характер. Они в меньшей мере, чем древнерусские жития, зависят от агиографической традиции, потому что в них на первый план выдвигаются не антифеодально-религиозные настроения, а национально-освободительные и рационалистично-просветительские задачи.

Агиографическо-автобиографический жанр с древнейших времен был связан с необходимым и для литератур переходного периода, а позже и для новых, реалистических литератур «исповедальным» раскрытием и самораскрытием духовной, а затем — душевной жизни личности. Начало этого движения в его обособившемся жанровом ответвлении было положено провиденциально-символической «Исповедью» Августина [Блаженного (IV в.)], «Житие» которого, кстати сказать, стало распространяться на Руси в переводе с латинского в XVI в. Много позже это исповедально-автобиографическое движение приобрело новое и всеобщее значение: достаточно вспомнить произведения великих писателей-философов («Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, Л. Толстого).

Автобиография переходного периода в большей или меньшей степени строилась на основе старинных и хорошо известных читателям-современникам жанровых традиций агиографии, схематически конструировавшей идеализированные «лики» своих героев, с их непрременной благочестивой юностью, книжным «почитанием», отказом от мирских соблазнов, аскетическим подвижничеством, исполненным «видений» и «чудес». Однако этот новый жанр, вырастающий из старых традиций, существенно отличается от них стремлением к психологической насыщенности «исповедального» повествования и к созданию реального бытоописания, все более и более переходящего к воспроизведению социально-бытовых и политических характеристик эпохи. Абстрактно-традиционный «лик» героя обретал черты реальной личности, «искушения» древнего святого становились страданиями человека, душевные сомнения (например, в «праведности» избранного жизненного пути), разрешавшиеся ранее благополучно силою божественного провидения, оказывались вдруг трагически неразрешимыми, духовный пафос поучительных ситуаций начинал перемежаться с ощущением их быто-